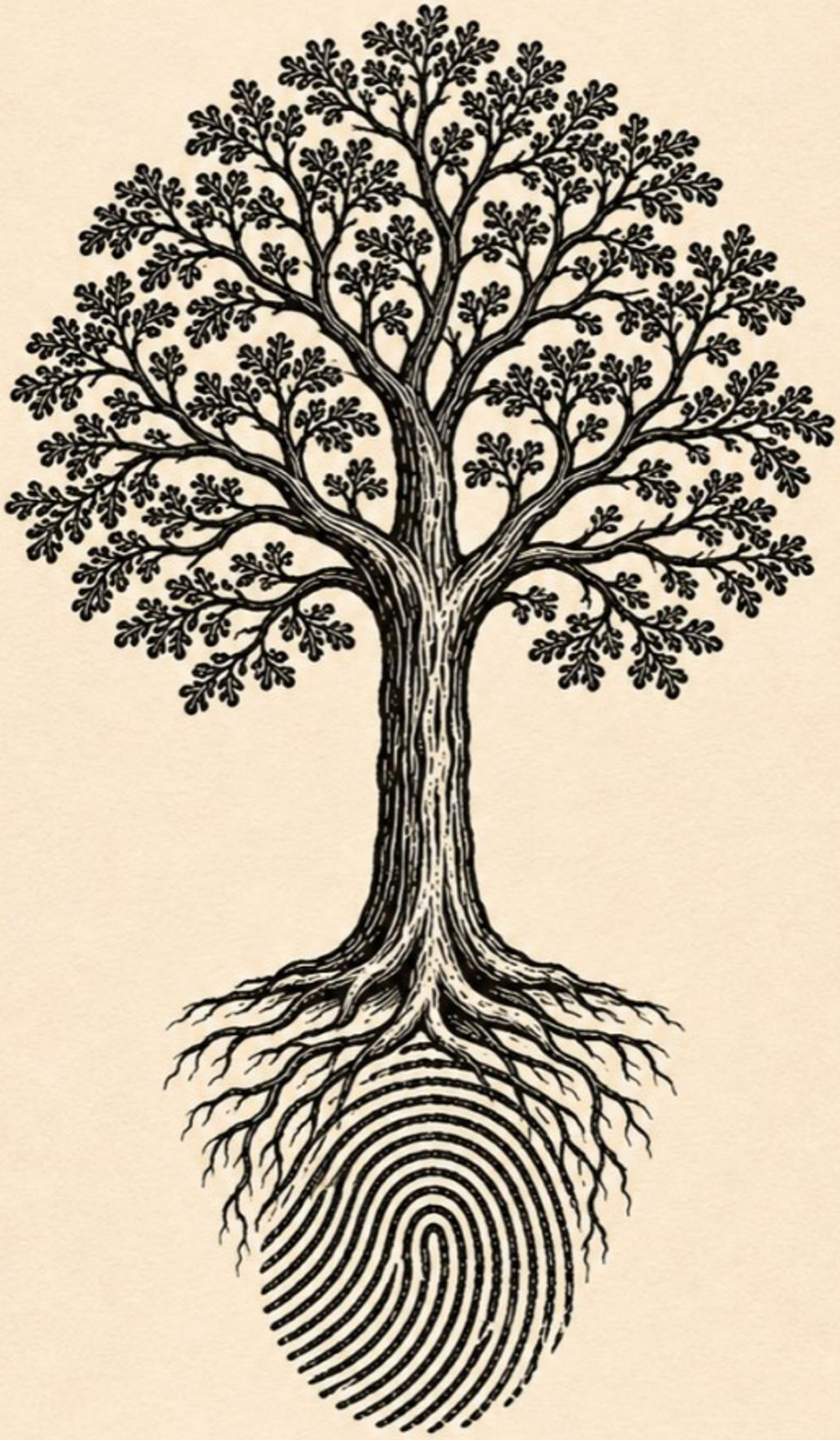
Бумажный наследник



А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Бумажный наследник

«Автор»
2026

Сунгурский А.

Бумажный наследник / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Генеалог Анатолий Левшин узнаёт, что коллекционер завещал своё собрание Егору Нерецкому. Двенадцать лет назад Левшин сам придумал этого человека для заказной родословной. Теперь на старой лжи можно заработать ещё раз.Но в доме покойного появляется живой Егор. Он знает семейную подробность, которую Левшин не включил в готовый текст. Наутро наследника находят убитым, а среди его вещей — давний снимок самого генеалога.Кто занял место на вымышленной ветви? Зачем погибшему понадобились старые записи? За ответами Левшину придётся идти к людям, чьи жизни он когда-то превратил в удобные истории. И признаться, что он придумал человека, окажется легче, чем рассказать, зачем сам приехал к наследнику.

© Сунгурский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ветка без листьев 5
Глава 2. Цена присутствия 10
Глава 3. Дом, который продолжает жить 14
Глава 4. Человек у окна 19
Глава 5. Не всякое письмо 23
Глава 6. Утро после гостей 28
Глава 7. Лицо на старом снимке 33
Глава 8. Плата за молчание 36
Конец ознакомительного фрагмента. 37

А.М. Сунгурский
Бумажный наследник

Глава 1. Ветка без листьев

Анатолий убрал у заказчика одного прадеда и добавил двух.

Заказчик сидел напротив, придерживая папку обеими руками, и старался не показать облегчения. Убранный прадед оказался вполне достоверным: в деле о краже леса сохранились возраст, место жительства и подпись. Двое добавленных пока существовали только на большом листе, где фамилии соединялись тонкими серыми линиями. Этих людей ещё следовало проверить. Анатолий сказал именно так, и заказчик охотно согласился с необходимостью проверки — особенно после того, как новая ветвь миновала неприятную фамилию и ушла к человеку, возле которого было написано «владелец мастерской».

— Это ведь почти промышленник? — спросил заказчик.

— Это владелец мастерской.

— Я понимаю. Но по тогдашним меркам.

Анатолий не ответил. Иногда достаточно было не мешать человеку закончить мысль. Заказчик снял очки, протёр их краем рубашки и вернулся к листу уже с другим лицом: семейная история понемногу начинала соответствовать стоимости её изготовления.

Внизу оставалось пустое место. Анатолий обычно не заполнял его сразу. В готовом дереве должна была оставаться возможность продолжения; иначе работа слишком явно кончалась, и человеку становилось жалко денег, которых ещё вчера не было жалко.

— А вот здесь?

— Здесь пока ничего.

— Можно оставить просто рамку? Мы сами потом впишем.

— Лучше не надо.

Заказчик поднял глаза.

— Почему?

Анатолий хотел сказать, что люди слишком охотно вписывают туда нужное. Но пришлось бы объяснять, почему он сам только что не вычеркнул обе непроверенные фамилии.

— Будет выглядеть незавершённым, — ответил он.

Мужчина кивнул. Это был довод, который не требовал от него нравственных усилий. Он внёс оставшуюся сумму, попросил оставить место для названия рода и ушёл, ещё в коридоре кому-то сообщая, что удалось выйти на интересную промышленную линию.

Анатолий закрыл дверь кабинета и некоторое время стоял возле неё. Потом вернулся к столу, перечитал запись о краже леса и восстановил убранную фамилию в рабочем файле. Она не могла исчезнуть оттого, что заказчику больше нравилась мастерская. При следующей встрече придётся сказать об этом ещё раз — уже менее удачными словами.

За тонкой стеной жужжал аппарат, которым соседка снимала с одежды катышки. Она принимала вещи в ремонт, и звуки её работы были значительно честнее тех, которые иногда доносились из кабинета Анатолия. Когда у неё не было заказов, стояла тишина.

Он разложил деньги на столе. Часть сразу убрал в конверт с платой за помещение. На оставшиеся можно было заменить повреждённый диск в старом компьютере и купить себе пальто, которое не блестело бы на локтях. При мысли о пальто захотелось отложить замену диска. Потом компьютер коротко щёлкнул, и Анатолий переменил порядок.

Телефон завибрировал, когда он убирал конверт.

— Анатолий Сергеевич? Меня зовут Маргарита Городецкая. Вы делали семейную справку для моего мужа.

Он машинально открыл список заказов. Фамилию Городецкого знал: в Рыбинске достаточно было однажды заняться частными собраниями, чтобы услышать о его книгах, фарфоре и несговорчивости. Но в списке фамилии не было.

— Напомните, пожалуйста, когда.

— Двенадцать лет назад. Я нашла вашу карточку среди приложений.

Старый список начинался позже. Анатолий потянулся к нижнему ящику, где лежали тетради, и остановил руку.

— Возможно, через посредника. Что случилось?

Женщина не сразу ответила. Он слышал, как где-то рядом с ней скребёт по полу тяжёлая вещь.

— Мой муж умер. Мне нужна не новая справка. Мне нужно понять, что означает прежняя.

Анатолий отодвинул деньги под папку.

— Примите мои соболезнования.

— Спасибо. Я могу подъехать через час. Вы ещё будете на месте?

Он сказал, что будет, и назвал этаж. Женщина повторила только номер комнаты; адрес она уже знала.

После звонка Анатолий достал тетради. В 2013 году он писал от руки значительно больше, чем теперь. Тогда ему казалось, что почерк добавляет работе вес, даже когда никто, кроме него, не видел страницы. Теперь в тетрадях обнаруживались главным образом люди, которым он когда-то собирался перезвонить, и мелкие расходы, давно лишившиеся смысла.

Имени Городецкого он не нашёл. Зато на обороте листа с расчётом типографских услуг увидел слово «Нерецкие».

Рядом был нарисован квадрат. От него вниз шла короткая линия — и больше ничего.

Анатолий провёл пальцем по бумаге, как будто мог почувствовать, почему остановился именно здесь. Потом вспомнил.

* * *

Маргарита Городецкая пришла без траура, который можно было бы сразу заметить. Тёмная куртка, короткие седые волосы, узкий пакет для бумаг. На её шее осталась тонкая светлая полоса от недавно снятого украшения. Анатолий обратил на неё внимание только потому, что женщина, садясь, машинально поправила вещь, которой уже не было.

Он предложил воды. Она отказалась, затем передумала.

— Только половину, пожалуйста. У меня потом везде недопитые стаканы.

Пока он наливал, Маргарита достала три листа. Верхний был плотным, с сероватой каймой и осторожно состаренным краем. Анатолий узнал бумагу раньше, чем прочёл заголовок. Такая бумага некогда стоила дорого, и он берег обрезки для визиток.

Он поставил стакан рядом с её локтем.

— Это ваш текст?

— Да.

Ему не понадобилось подписи. Он помнил, как заменил в первом абзаце слово «несомненно» на «вероятно». Эта правка тогда позволила ему закончить заказ с довольно приятным чувством осторожности.

Маргарита положила рядом обычную распечатку.

— А это я переписала из письма мужа. Само письмо оставила дома. Меня интересует вот этот человек.

Она не показала пальцем. Имя стояло отдельно, в короткой строке: Егор Никитич Нерецкий.

Анатолий прочёл его дважды. Во второй раз он уже видел не буквы, а собственную комнату двенадцатилетней давности, ещё не эту: окно во двор, сырой угол возле шкафа, мокрый рукав на спинке стула. Тогда заказ на частную родословную оказался очень кстати. Женщина, которая говорила с ним по телефону, хотела не исследование, а связное изложение семейной версии. Он называл это реконструкцией.

У версии не было последнего человека. Старшие имена принесли в папке; нижнюю ветвь требовалось продолжить. Молодой мужчина, живущий далеко, потомок боковой линии. Без точного адреса. Без нынешней фотографии. С достаточно обыкновенной биографией, чтобы её никто не захотел обсуждать слишком долго.

Анатолий назвал его Егором. Отчество выбрал по предыдущему поколению. Дату рождения в чистовую справку не включил.

— Вы его нашли? — спросил он.

— Кто — мы?

— Ваш муж. Или тот, кто заказывал работу.

— Муж с ним встречался. Не один раз. Я поэтому и пришла.

За стеной умолк аппарат. В наступившей тишине стало слышно, как Маргарита поставила стакан обратно на стол: стекло стукнуло о голую поверхность, и Анатолий с опозданием подвинул под него картонную подставку.

— Он что-нибудь продавал Владимиру…

— Александровичу.

— Владимиру Александровичу?

— Иногда помогал покупать. Иногда просто приезжал. Последние годы не так часто. Я не вела счёт его приездам.

Она посмотрела на пустое место внизу родословной.

— Вы плохо себя чувствуете?

— Нет. Я пытаюсь вспомнить заказ.

— Тогда я скажу сразу. Муж оставил ему всё, чем мог распорядиться. По крайней мере, именно так он написал мне. Вещи, деньги, свою часть имущества. Окончательный состав ещё выясняют. Мне сейчас важнее другое.

Она выдержала паузу, позволяя ему не торопиться с вопросом о деньгах.

— Я хочу понять, кем этот человек ему приходился.

Анатолий наклонился над справкой. На вид лист говорил гораздо увереннее, чем на самом деле. Плотная бумага, длинные имена, аккуратные ссылки на семейные сведения. Всё это было выполнено его рукой. Люди редко читали оговорки, если оформление уже сообщило им, что сомневаться незачем.

— Родство по этому листу установить нельзя, — произнёс он.

— Это я уже поняла. Здесь везде «предположительно». Но человек ведь есть.

Он поднял глаза.

— Вы с ним знакомы?

— Здороваюсь. Этого достаточно, чтобы знать: он есть.

Анатолий взял стакан, который налил себе, и обнаружил, что вода в нём закончилась. Когда он успел выпить, не помнил.

— Что вы хотите поручить мне?

— Прочитать собственную работу. Сказать, откуда взялось каждое утверждение. Если документы были — показать документы. Если не были — так и сказать.

Она произнесла последнюю фразу спокойно. В ней не было угрозы; от этого ответить оказалось труднее.

— Мне придётся поднять материалы.

— Сколько времени?

Он мог назвать неделю. Этого хватило бы, чтобы отказаться вежливо, а потом переждать неудобство. Но на столе лежало имя, которое он когда-то написал между квитанцией за электричество и списком продуктов. Человек с этим именем ездил к Городецкому. Разговаривал с ним. Теперь должен был получить его имущество.

— До завтра.

— Хорошо. Оплату назовите сейчас, пожалуйста. Я не хочу потом выяснять, что мы по-разному поняли слово «поднять».

Он назвал обычную сумму за разбор частного архива. Городецкая согласилась без торга, но деньги сразу не достала.

— Половину переведу сегодня. Остальное после вашего ответа. Даже если ответ будет неприятным.

— Я не могу обещать, что…

— Приятного я и не прошу.

Она встала и собрала листы. Старую справку оставила ему, прижав к столу ладонью, пока он не понял, что её разрешают взять. В это короткое мгновение он заметил, как сильно у неё дрожит мизинец. Женщина удержала его другим пальцем, будто и это было одной из вещей, которыми пока можно распорядиться.

У двери Маргарита остановилась.

— Ещё одно. В субботу у нас будут разбирать личные бумаги. Не завещание объявлять — это всё идёт своим порядком. Просто письма, альбомы, записи. Владимир просил кое-что передать отдельно. Егор тоже приедет. Возможно, вам стоит поговорить с ним.

— Возможно.

— Я пришлю адрес и время.

Она ушла. Анатолий ещё несколько секунд придерживал открытую дверь, хотя женщина уже скрылась за поворотом лестницы. Соседка вышла в коридор с курткой на плечиках и спросила, не её ли клиентка прошла.

— Нет. Ко мне.

— А я думаю, почему не забрала. Уже третью неделю висит.

Она подняла куртку повыше и вернулась к себе. Анатолий закрыл дверь.

* * *

В старой тетради нашлось пять страниц. На первой стояли фамилии, принесённые заказчицей. На второй — расчёт гонорара. Дальше шёл Егор.

Он рано лишился отца. Переменил несколько занятий. Не любил рассказывать о семье, потому что мать считала это неприличным. У него была неловкая привычка уходить, не попрощавшись, если разговор становился слишком важным. Анатолий помнил удовольствие, с которым добавил эту привычку: она объясняла почти любое отсутствие сведений и придавала безликой справке человеческий объём.

В стороне была записана история про белую чашку на стуле. Её он в чистовой текст не включил. Слишком подробная для человека, которого следовало только обозначить.

Анатолий перевернул страницу. Под квадратом с именем ничего не было. Ни адреса, ни телефона, ни ссылки на свидетельство. Потому что искать было некого.

Ему следовало сейчас же позвонить Маргарите и сказать это. Он даже взял телефон.

Но прежде открыл фотографию Городецкого из сохранённой когда-то статьи о частных собраниях. Коллекционер стоял у невысокого шкафа. За стеклом виднелись небольшие

фигурки и чашки, совсем не такие, из которых пьют на работе. Анатолий не знал их цены. Он знал, что вещи, о цене которых спрашивать неудобно, обычно стоят достаточно дорого.

Потом нашёл номер Виктора Неверова.

Виктор ответил не сразу. В трубке грохотало, и первые его слова пришлось переспросить.

— Я сказал, если опять читать на юбилее, то только с авансом. В прошлый раз меня три часа держали возле кухни.

— Не юбилей.

— Поминки тоже с авансом.

Анатолий посмотрел на имя в тетради.

— Ты можешь завтра встретиться? Есть одна работа. Но сначала надо поговорить.

Шум стал тише. Виктор, видимо, отошёл.

— Что делать?

— Пока ничего. Выслушать.

— Это я бесплатно умею. Остальное отдельно.

Они условились о времени. Анатолий положил телефон рядом со справкой. Затем открыл новый документ, чтобы выписать для Маргариты сведения о заказе, и несколько минут не печатал ни слова.

На белом экране мигала тонкая черта.

Сказать, что Егор Нерецкий выдуман, было по-прежнему легко. Трудно стало объяснить, почему он ещё этого не сказал.

Глава 2. Цена присутствия

Виктор пришёл с коробкой чужих туфель. Ему поручили отвезти их после съёмки рекламы, но человек, которому полагалось принять реквизит, отключил телефон. Ставить коробку на пол Виктор не хотел: снизу картон уже промок. Поэтому первые несколько минут они разговаривали поверх чёрного лакированного носка, выглядывавшего из-под крышки.

— Дай сюда, — сказал Анатолий.

— Там сорок пятый. Если у тебя меньше, не пробуй. Я однажды пробовал, потом все ждали, пока сниму.

Анатолий освободил край стола. Виктор поставил коробку, вытер ладони о брюки и оглядел кабинет. Они не встречались больше года. За это время на стене появилось ещё одно семейное дерево, а кресло возле двери лишилось подлокотника.

— У тебя всё растёт, — заметил Виктор.

— Кроме доходов.

— Кресло тоже обратно растёт.

Он сел на стул без дерева за спиной. Анатолий приготовил для него копию справки, но теперь убрал её под чистый лист. Начинать с бумаг не хотелось. Бумаги слишком быстро делали предложение определённым.

— Ты сейчас много снимаешься?

— Вчера изображал человека, довольного кухней. Позавчера — недовольного доставкой. Разница в гонораре двести рублей.

— Я серьёзно.

— И я. Кухню показывали целиком, доставку только со мной. Ещё веду мероприятия. Иногда играю то, что написали для сцены, представляешь?

Анатолий улыбнулся. Виктор не подхватил улыбку.

— Говори уже.

Он рассказал о заказе 2013 года, вымышленном человеке и завещании. О Маргарите говорил меньше, чем следовало. Не сказал, как женщина удерживала дрожащий палец; в пересказе она стала одной из заинтересованных сторон. Виктор слушал, положив руки на колени. Когда Анатолий дошёл до предполагаемой стоимости собрания, он попросил остановиться.

— Предполагаемой кем?

— Я точно не знаю. Но там серьёзные вещи.

— Значит, пока мы знаем, что вещи есть. Дальше.

— Наследник тоже есть. Точнее, человек, который так себя называет.

— И вдова его знает.

— В лицо. Это не значит…

— Подожди. Она его знает в лицо. Ты предлагаешь мне прийти и сказать, что он — не он, а я — он?

От такого изложения замысел стал выглядеть хуже, чем ночью. Анатолий уже успел представить несколько красивых поворотов разговора, но ни один не начинался с того, что Виктора попросту не узнают.

— Я предлагаю сначала установить, на чём всё держится.

— Для этого тебе нужен исследователь. Я умею входить в комнату так, чтобы на меня посмотрели. Потом всё равно приходится что-то делать.

Он вытащил из-под листа справку. Прочёл несколько строк, повернул к себе другой стороной и поискал оборот.

— Дата рождения где?

— Не указана.

— Паспорт?

— При чём здесь паспорт? Это родословная.

— Вот именно. Ты меня на наследство зовёшь или на родословную?

Анатолий отобрал лист. Он понимал, что Виктор прав, и оттого всё больше сердился на грубость формулировок. Ночью ему виделась возможность, которую нельзя выпускать из рук. Утром возможность требовала объяснить, что именно он собирается сделать.

— Если семье нужно закрыть спор, — сказал он, — она может заплатить раньше, чем кто-нибудь начнёт всерьёз разбираться.

Виктор посмотрел на него уже внимательнее.

— Кому?

— Тому, от кого зависит лишний спор.

— За то, что он его не устроит.

— За соглашение.

— Толик.

Он редко называл Анатолия так. Обычно только после неудачной шутки, которую не следовало продолжать.

— Мне надо понять работу до того, как я соглашусь. Ты придумал человека. Другой человек взял твоё имя и получил что-то настоящее. Теперь ты хочешь получить часть за то, что не станешь ему мешать. Правильно?

Анатолий помолчал.

— Не только ему. Вдова тоже может быть заинтересована.

— Ты ей уже сказал, что сам всё выдумал?

В коридоре кто-то проверил ручку двери и, не дождавшись ответа, ушёл. Анатолий выждал, пока шаги стихнут.

— Я сказал, что подтверждённого родства нет.

— Это не то же самое.

— Я знаю.

Виктор поднялся, но не взял коробку. Прошёл к окну, посмотрел на двор и вернулся. Его собственные ботинки были чистыми, однако возле шва у правого носка виднелась тонкая белая полоска клея. Анатолий знал эту привычку: Виктор чинил обувь до тех пор, пока починка не становилась заметнее самой обуви.

— Сколько? — спросил он.

— Что?

— Сколько ты хотел заплатить мне?

Теперь Анатолий почувствовал облегчение и сразу устыдился его.

— Долю. Если получится.

— Из чего?

— Из того, о чём договоримся.

— Нет. Долю из того, что получится, ты предлагаешь себе. Мне ты предлагаешь риск с неизвестной оплатой.

Он снова сел.

— Я не буду представляться Егором. Ни ему, ни вдове, ни любому человеку с бумажкой и печатью. И вторым Егором тоже не буду. Не потому, что я лучше тебя. Я просто слишком хорошо вижу, кем стану, если у тебя не получится договориться.

— Я бы тебя не подставил.

— Ты ещё не знаешь, как это делается. Поэтому и обещаешь легко.

Анатолий отодвинул справку. Вчера ему хотелось увидеть собственное создание живым и поставить рядом другого человека — будто этим можно было вернуть себе власть над именем. Теперь, при Викторе, эта мысль впервые показалась ему смешной.

— Тогда зачем ты спрашивал, сколько?

— Чтобы знать, за какую сумму я отказался. Иначе потом начну жалеть и сам себе врать, что разговор был другой.

Они помолчали. За стеной снова зажужжало. Виктор повернул голову.

— Это у тебя принтер?

— Нет. Одежду чистят.

— Хороший звук. Сразу понятно, что работа идёт.

Он улыбнулся, и Анатолий всё-таки рассмеялся. Смех ничего не исправил, зато позволил им снова разговаривать без настольного листа между ними.

* * *

Виктор не ушёл. Он достал телефон, нашёл фотографию своей дочери и показал Анатолию. Девушка стояла возле автобуса в куртке, которая делала её плечи шире. Рядом лежали два чемодана.

— Уехала учиться. В августе. Я обещал помочь с комнатой.

— Помог?

— За первый месяц. Теперь собираю второй. Поэтому я и пришёл так быстро.

Анатолий протянул телефон обратно.

— Ты мог сказать сразу.

— А зачем? Чтобы ты предложил мне побольше незаконного?

— Перестань.

Виктор убрал телефон, и несколько мгновений они слышали только звуки из коридора. Кто-то нёс длинную вещь, задевал стены и ругался вполголоса.

— Ты ведь всё равно пойдёшь к ним, — сказал Виктор.

— Меня наняли проверить работу.

— Вот и проверь. Я бы на твоём месте сначала посмотрел, что этот человек делает без твоего сочинения. Может, он с покойным десять лет рыбачил. И тогда все твои ветки ничего не стоят.

Анатолий вспомнил, как Маргарита сказала: «Муж с ним встречался». Он услышал в этих словах подтверждение обмана. Другого смысла не искал.

— Мне нужен человек, который сможет съездить со мной, — произнёс он. — Посмотреть со стороны.

— На что?

— На меня в том числе.

Виктор задумался.

— Бесплатно я могу один раз сказать тебе, что ты увлёкся. По-моему, уже сказал.

— Я заплачу за день. Обычную ставку. Без роли, без чужого имени. Если вообще разрешат привести помощника.

— Куда ехать?

Анатолий показал сообщение Маргариты. Виктор прочёл адрес, задержался на времени и вернул телефон.

— В субботу у меня до шести работа. Потом могу подвезти тебя обратно. В дом без приглашения не пойду. И если начнёшь рассказывать, что я твой двоюродный брат, сразу познакомлюсь заново.

— Договорились.

— О чём именно?

— Ты никого не играешь. После шести звонишь. Если мне нужна машина, приезжаешь. Расходы и вечер я оплачиваю независимо от результата.

Виктор назвал сумму. Не большую и не дружескую; такую, какую назвал бы любому человеку, который просил занять субботний вечер. Анатолий согласился. Ему уже казалось правильным потратить деньги, которых ещё вчера не хватало на пальто, лишь бы первоначальное предложение перестало висеть между ними без продолжения.

Уходя, Виктор забрал туфли и попросил не считать этот разговор исчезнувшим.

— В каком смысле?

— В прямом. Если потом кто-нибудь спросит, зачем мы встречались, я не стану придумывать новое начало.

— Никто не спросит.

Виктор посмотрел на него. Анатолий отвёл взгляд первым.

* * *

К трём часам он составил для Маргариты короткую записку. В ней было сказано, что представленный документ не удостоверяет родства, сведения получены от частного заказчика и архивные подтверждения нижней ветви отсутствуют. Все предложения были правдивы. Ни одно не сообщало, что имя в нижнем квадрате выбрал он сам.

Анатолий распечатал записку, положил рядом с тетрадью и прочёл обе вещи подряд. Теперь разница бросалась в глаза. Чистый текст описывал недостаток сведений; тетрадь показывала работу воображения.

Он дописал от руки: «В нижней ветви есть сведения, составленные мной, а не полученные от источника».

Потом зачеркнул «есть сведения» и написал: «Весь персонаж».

Получилось плохо. «Весь персонаж составлен мной» звучало как признание человека, который продолжал обсуждать живого мужчину в терминах удачного заказа.

Анатолий перевернул лист, взял новый и написал без попытки сохранить профессиональный тон: «Егора Никитича Нерецкого я придумал. Не знаю, кто пользуется этим именем».

Он долго смотрел на второе предложение. Затем позвонил Маргарите.

— Мне нужно приехать сегодня, — сказал он. — Я нашёл материалы. По телефону объяснять неудобно.

— Мне тоже многое неудобно, Анатолий Сергеевич. Скажите главное сейчас.

Он сглотнул.

— Человека в нижней части справки я сочинил. Имя, положение в семье. Подтверждённого предка за ним нет. Вернее, предки вверху могут быть настоящими, но связь…

— Подождите, — сказала Маргарита.

Он замолчал. Женщина долго не возвращалась к разговору. Анатолий слышал чужой мужской голос, потом закрывшуюся дверь.

— Вы хотите сказать, что получили деньги за выдумку?

— Да.

— И вчера ещё согласились получить за проверку?

— Да.

— Приезжайте. Деньги вернёте, если больше ничего не сможете сделать. А пока привезите всё, что осталось. Не справку о справке.

Она отключилась. Анатолий не испытал облегчения, которого ожидал от признания. Стало только яснее, сколько ещё придётся сказать.

Он убрал тетрадь в сумку, а новый лист оставил на столе. Перед выходом вернулся, сложил его пополам и тоже взял.

Глава 3. Дом, который продолжает жить

В доме Городецких меняли батарею в прихожей.

Это оказалось первым, что увидел Анатолий, когда ему открыли: мужчина в рабочей одежде стоял на коленях перед стеной, другой придерживал короткую трубу, а на полу лежали старые полотенца. Вода в пластмассовом тазу была чёрной. Одна из дорогих на вид рам стояла у двери лицом к стене, чтобы на стекло не брызгало.

— Здесь не проходите, — сказала женщина, которая впустила его. — Через кухню.

Анатолий снял обувь. Женщина посмотрела на его носки и достала из шкафа пару тапок.

— Эти подойдут. Только задник не подминайте, он уже держится плохо.

Он представился. Она сказала, что знает, и повернулась к рабочим:

— Если нужен ещё таз, скажите сейчас. Потом я из-под вас его не выну.

Один из мужчин ответил, что больше не понадобится. Женщина осталась на месте, пока второй не подтвердил. Только после этого повела Анатолия дальше.

Кухня была маленькой относительно остального дома. На столе сохли вымытые банки; возле окна стоял стул с детской наклейкой на спинке. Анатолий заметил её потому, что наклейка изображала космический корабль и совершенно не соответствовала тем вещам, ради которых, по его представлению, стоило строить такой дом.

— Лидия, — сказала женщина. — Я здесь помогаю по хозяйству. Маргарита Павловна в комнате, сейчас позову.

— Спасибо.

— Сумку сюда можете поставить. А бумаги лучше взять, если они вам нужны. На этот стол всё время что-нибудь ставят.

Он оставил сумку на табурете, достал тетрадь и папку. Лидия посмотрела на плотный край старой справки, но ничего не спросила.

Маргарита вышла навстречу в домашнем платье поверх тонкого свитера. С собой она несла две чайные ложки, словно её отвлекли в середине очень небольшого дела.

— Я думала, вы позже, — сказала она.

— Могу подождать.

— Не нужно. Дальше всё равно начнут сверлить.

Она отвела его в комнату с книжными шкафами и только здесь заметила ложки. Положила на подоконник, вернулась и взяла их снова.

— Сейчас.

Анатолий остался один. Не стал подходить к шкафам. Он слишком хорошо понимал, как выглядит человек, который начинает оценивать вещи, прежде чем успел сесть.

Комната была устроена не для показа. Между шкафами помещались два разных кресла, у одного лежала мягкая подушка с тёмным пятном. На подоконнике стояли лекарства, но он отвернулся, не прочтя названий. Возле лампы сохранился пыльный прямоугольник: недавно убрали какой-то предмет. Самой дорогой вещью ему показался длинный стол, тяжёлый, гладкий от пользования, с неглубоким круглым следом возле края.

Маргарита вернулась без ложек. Села напротив и протянула руку к тетради.

— Можно?

— Да. Только здесь не всё относится к вам.

— Я прочту то, что вы покажете.

Он открыл нужные страницы. Маргарита надела очки, долго рассматривала нижний квадрат, потом подняла голову.

— «Предположительно проживал». Вы не знали даже этого?

— Нет.

— Зачем тогда «предположительно»?

Анатолий посмотрел на собственную правку. У него имелось объяснение: реконструкция семейного рассказа, вероятностная форма, характер частного заказа. Он мог произнести его почти без запинки.

— Чтобы не писать прямо, что я не знаю, — ответил он.

Маргарита сняла очки.

— Это я понимаю. Я не понимаю, зачем вы согласились.

Он рассказал о женщине, которая позвонила в 2013 году, потом принесла бумаги и забрала готовую работу. Лица он не мог вспомнить. В тетради возле номера стояла только буква «Л»; Анатолий посмотрел на дверь, за которой прошла Лидия, и решил спросить её перед уходом. Женщина говорила о подарке для Владимира Александровича, без фамилии. Тогда имя не означало для него ничего; теперь он впервые произнёс его перед вдовой. Упоминались старые фотографии, необходимость связать обрывки. Анатолий уже написал несколько подобных историй и знал, где заканчивается исследование. В этом заказе он решил, что граница не так важна, поскольку текст никто не собирается предъявлять официально.

— Вам так и сказали? — спросила Маргарита.

— Сказали, что для семьи.

— Это не одно и то же.

— Теперь понимаю.

Она посмотрела на него с неожиданной усталостью.

— Так вы двенадцать лет ничего и не проверяли?

— Не проверял.

Она ещё раз перелистала тетрадь, словно ответ мог обнаружиться на следующей странице.

В коридоре заговорила Лидия. Рабочие просили переставить тумбу. Маргарита на мгновение закрыла глаза и позвала её. Когда та появилась в дверях, хозяйка спросила, можно ли отнести рамки в дальнюю комнату.

— Роман уже унёс, — ответила Лидия. — Только одну оставил. Она тяжёлая, там крепление мешает.

— Пусть оставит. Я сама скажу, что куда.

— Он как раз хочет с вами поговорить.

Маргарита посмотрела на Анатолия, потом на раскрытую тетрадь.

— Пусть зайдёт. Всё равно это касается и его.

Роман появился почти сразу, будто ждал за углом. Анатолий дал ему лет тридцать пять. Он был в мягкой куртке, которую не снял, и держал телефон экраном внутрь ладони.

— Добрый день. Роман. Племянник Владимира Александровича.

Анатолий представился. Роман посмотрел на старую справку и улыбнулся с поспешной узнаваемостью.

— А, это вы наше знаменитое дерево делали.

— Не ваше, — сказала Маргарита. — Именно это мы сейчас обсуждаем.

Роман перестал улыбаться, но остался стоять. Анатолий снова объяснил нижнюю ветвь, на этот раз короче. Он заметил, что с каждым новым слушателем признание становилось легче произнести и труднее считать оконченным.

— То есть его не существует? — спросил Роман.

— Человек существует, — ответила Маргарита. — Ты с ним чай пил. Не существует подтверждённой связи, которую здесь нарисовали.

— Я понял. Но это же всё меняет.

Он наконец сел и придвинулся к столу.

— Если основание ложное, значит, надо…

— Не надо сейчас делать вид, что ты уже знаешь, что следует, — оборвала его Маргарита. — Есть распоряжение Владимира. Есть человек, которому он доверял. Почему доверял — я хочу понять. Остальное будут разбирать с документами.

Роман откинулся на спинку. Его разочарование оказалось настолько явным, что Анатолию стало неловко за обоих.

— Я не о том, чтобы всё забрать, — произнёс Роман. — Хотя ты, конечно, так и подумала. Есть обязательства. Есть люди, которые ждут. Нельзя всё держать в неизвестности.

— Какие люди?

— Сейчас не об этом.

— Ты сам начал.

Роман посмотрел на Анатолия. Тот сделал вид, что читает тетрадь, но никто не поверил.

— Я обещал показать несколько предметов, — сказал Роман. — Ещё при дяде. Теперь меня спрашивают, когда можно приехать.

— Показывать ты можешь только после того, как мы договоримся. Вывозить ничего нельзя.

— Я что, вор?

— Я сказала, что нельзя вывозить.

Лидия вошла с подносом и поставила чай так, словно спор был погодой: учитывать приходилось, вмешиваться не имело смысла. Перед Романом оказалась чашка без блюдца. Он взял её, обжёг пальцы и сразу поставил.

— Блюдца на кухне, — сказала Лидия. — Могу принести.

— Не нужно.

Она всё равно принесла, но не подложила под чашку, а оставила рядом. Роман через минуту передвинул её сам.

* * *

Когда племянник ушёл к рабочим, Маргарита попросила Анатолия остаться. Вынула из ящика конверт, достала письмо и положила перед ним так, чтобы он видел только нижнюю часть страницы.

— Вот. «Егору Никитичу Нерецкому». Не просто фамилия в родословной. Владимир пишет о человеке, который бывал здесь. Я не собираюсь обсуждать с вами подлинность завещания. Мне сказали, что это отдельный вопрос, и я его отдельно задаю. Но вы понимаете, почему ваше признание ещё ничего не заканчивает?

Анатолий кивнул.

— Он никогда не представлялся вам иначе?

— Нет.

— Вы знаете, где он живёт?

— Знаю телефон. Приезжает на машине. О работе говорит по-разному, потому что и работал, насколько я понимаю, по-разному. Помогал с деревянными вещами. Возил. Иногда находил то, что Владимир искал.

— Мастер?

— Бывал и мастером. Анатолий Сергеевич, я не готовила на него досье. Я жила рядом с человеком, который приглашал другого человека к себе. Иногда они мешали мне разговорами, иногда уезжали вместе. Я не спрашивала, по какой линии рода это разрешено.

Он перевёл взгляд на шкафы. Виктор оказался прав быстрее, чем ему хотелось бы признать.

— Ваш муж верил в эту справку?

— Сначала, думаю, да. Ему нравилось находить продолжения. Купит старую чашку — ищет сервиз. Найдёт сервиз — ищет, чей. Узнает имя — хочет узнать, кто остался. Иногда я говорила, что у чашки тоже есть право побыть просто чашкой.

Она усмехнулась, но веселья в лице не прибавилось.

— Потом я перестала следить, что из его рассказов подтверждено. Это было его дело. Оказалось, не только его.

Анатолий попросил разрешения сфотографировать часть письма с именем. Маргарита подумала, затем убрала письмо обратно в конверт.

— Сегодня нет. Я ещё не решила, кому что отдавать. Ваши страницы фотографируйте. Письмо пока останется у меня.

— Хорошо.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Вы не будете сейчас убеждать меня, что для работы необходимо?

— Для работы было бы полезно. Не обязательно.

— Тогда спасибо.

Ему стало стыдно от этой благодарности за такое простое ограничение.

* * *

На кухне Лидия смывала с рук чёрные полосы. Рабочие уже закончили; один подписывал бумагу у двери, другой собирал инструмент. На полу остался влажный прямоугольник. Из-за него обычная чистота дома казалась временной и довольно дорогой.

Анатолий забрал сумку. Тетрадь держал отдельно, чтобы не помять старую справку. Лидия перекрыла воду и вытерла ладони.

— Вы завтра придёте?

— Да.

— Тогда лучше без большой сумки. В прихожей опять всё заставят. Будут коробки переносить.

— Много людей?

— Не очень. Но вещи занимают больше места.

Она сказала это без скрытого значения. Анатолий всё равно посмотрел на шкаф у двери: верхняя полка была пустой, на нижней теснилась посуда, которой, вероятно, пользовались каждый день.

— Вы давно здесь работаете?

— Давно.

— Материалы для этой справки не вы приносили? Двенадцать лет назад. У меня в записи только первая буква имени.

Он показал край листа. Лидия посмотрела, вытерла большим пальцем оставшуюся на ладони полосу.

— Я ему много чего возила. И за фотографии платила, и за переплёт. Вы скажите точно, что ищете, я посмотрю.

— Сам заказ. Кто говорил со мной.

— Столько времени прошло. Найдите счёт или квитанцию. По сумме, может быть, вспомню.

Анатолий убрал справку между страницами. Лицо женщины, сидевшей напротив него тогда, так и не появилось в памяти. Он решил прежде найти оплату.

— Егор Нерецкий при вас начал приезжать?

Лидия сложила полотенце вдоль, потом ещё раз.

— При мне. Вам точный год нужен?

— Если помните.

— Не помню. Сначала приходил что-то чинить. Потом Владимир Александрович стал сам его звать. Я не записывала.

В её ответе не было раздражения, но он почувствовал, что задаёт вопросы человеку, который ещё не согласился с ним работать.

— Извините. Я пытаюсь понять одну старую историю.

— Старые истории лучше понимать, пока люди живы, — сказала Лидия. — Потом все начинают помнить удобное.

Она повесила полотенце и вышла проводить рабочих. Анатолий остался возле сумки. Ему хотелось решить, что это был намёк. Но женщина могла говорить о Городецком, о собственном прошлом или просто о разговорах, которые последние недели заполняли дом.

Роман ждал его у калитки.

— Можно минуту?

На улице было светлее, чем показалось из комнаты. По мокрой дорожке лежали листья, прижатые к плитке. Роман держал в руке сигарету, но не курил; фильтр уже размок от пальцев.

— Вы мне скажите по-человечески. Это мошенник?

— Я не знаю, что он рассказывал вашему дяде.

— А вы что рассказывали?

Анатолий почувствовал, как холодеет шея под воротником.

— То, что видел ваш дядя в справке. Я объяснил, какая часть не имеет оснований.

— Хорошо. Значит, у нас общий интерес.

— У нас пока никакого общего интереса.

Роман убрал сигарету в пачку.

— Не торопитесь. Завтра поговорим. Если окажется, что человеку вообще не на что ссылаться, здесь многие будут вам благодарны.

— Мне платят за проверку.

— Это Маргарита платит. Я о другом.

Он открыл калитку, не дожидаясь ответа. Анатолий вышел на улицу и только там понял, что Роман предложил ему почти то самое, о чём он утром говорил с Виктором.

Он прошёл несколько шагов, остановился и записал номер Романа, который тот продиктовал на прощание. Контакт назвал только по имени. Потом вернулся к калитке: забыл спросить, какие именно люди ждут обещанные вещи. Роман уже ушёл в дом, и Анатолий не стал звонить.

Глава 4. Человек у окна

В субботу Анатолий пришёл к трём. Батарея уже стояла на месте, рамки вернули на стену, и от вчерашней работы осталось только ведро, которое забыли в углу. Лидия несла его к задней двери. Узнав гостя, она остановилась и показала на вешалку.

— Сегодня свои тапки можете не искать. Все в обуви. Пол потом вымою.

Он кивнул и снял куртку. На крючке рядом висел клетчатый шарф, серый с тёмно-красными полосами. Одна кисть была короче остальных и заканчивалась плотным узлом.

В комнате разговаривали двое мужчин. Одного Анатолий не видел: тот сидел за раскрытой дверцей шкафа. Второй стоял у окна, повёрнутый спиной, и пробовал поднять тугую защёлку. Маргарита объясняла ему, что рама разбухла и открывать её не нужно.

— Она не разбухла. Её перекосили, когда красили.

— Егор, пожалуйста, оставьте окно.

Мужчина отпустил защёлку и повернулся.

Анатолий не почувствовал ни узнавания, ни торжества, ни того особого страха, который предполагал с утра. Перед ним стоял человек в простом тёмном джемпере. Не высокий, широкоплечий, с тяжёлым подбородком и спокойными, чуть припухшими веками. На тыльной стороне правой руки белел старый шрам. Такой человек мог доставить шкаф, попросить подписать накладную и уехать. Чтобы запомнить его, понадобилось бы что-нибудь ещё.

— Это Анатолий Сергеевич, — сказала Маргарита. — Он разбирает для меня историю справки.

— Левшин? — спросил мужчина.

Анатолий кивнул.

— Егор Нерецкий.

Он протянул руку. Анатолий пожал её, остро чувствуя нелепость собственного ожидания: имя должно было что-нибудь изменить в лице незнакомца. Оно ничего не изменило.

— Вы давно приехали?

— С полчаса. Машину оставил за углом, здесь у ворот не развернуться.

Егор убрал руку и снова посмотрел на защёлку, будто разговор пока не представлял для него большего интереса, чем неудачно покрашенное окно.

Из-за дверцы шкафа показался пожилой мужчина с коротко подстриженными усами. Он держал две книги, прижав одну к груди.

— Ладыгин, Сергей Павлович. С Володей мы вместе учились. Вы, значит, историк?

— Не совсем.

— Здесь все не совсем, — сказал Ладыгин и улыбнулся. — Я вот инженер, а последние тридцать лет со мной обсуждают в основном переплёты.

Он положил книги на стол, но сразу одну поднял: под обложку попала нитка от старой салфетки. Ладыгин осторожно вытянул её и только потом сел.

Анатолий выбрал место, откуда видел Егора. Тот не стал сидеть напротив. Подошёл к шкафу, помог Маргарите достать коробку с верхней полки, спросил, куда её поставить, и поставил именно туда, куда она показала. В его движениях не было подчёркнутого права на дом. Не было и робости приглашённого, который боится тронуть дорогую вещь.

Это раздражало Анатолия. Ему было бы проще, если бы Егор изображал тонкость вкуса, поправлял манжеты или нарочно произносил старинные слова. Он приготовился распознать исполнение роли и пока видел человека, которому удобнее делать, чем ждать.

Роман вошёл с плоской коробкой и замер, обнаружив, что все уже собрались.

— Я думал, начнём позже.

— Мы ещё не начали, — ответила Маргарита. — Что у тебя?

— Пустая. Для бумаг.

— Поставь возле стены.

Роман поставил коробку под стул. Лидия, входя с водой, переставила её к стене, не прерывая разговора с Ладыгиным о его жене. Они, судя по всему, знали друг друга достаточно давно, чтобы говорить о чужой боли в колене без предисловий.

— Она сейчас ходит лучше, — сказал Ладыгин. — Но ругается так же.

— Значит, совсем поправилась, — ответила Лидия.

Егор усмехнулся. Роман — нет.

* * *

Письма оказались в разных местах. Маргарита принесла отдельную папку, два конверта нашли между страницами книги, ещё один лежал под крышкой небольшой деревянной коробки, где вместе с ним хранились отвёртка и запасная дужка от очков. Никто не вскрывал торжественный пакет под общее молчание. Они раскладывали то, что покойный успел подписать, и спорили, считать ли подпись карандашом окончательной.

Ладыгину Владимир оставил книгу с повреждённым корешком. Другую, более дорогую, которую тот уже успел подержать, просил вернуть прежнему владельцу. Ладыгин, прочитав записку, рассмеялся, потом долго вытирал очки.

— До последнего не верил, что я отдам сам, — сказал он.

Маргарита хотела ответить, но не ответила. Егор подвинул к старому другу пустой конверт, чтобы было куда убрать записку.

Роману досталась папка с квитанциями и короткое письмо. Он прочёл его молча, сложил вчетверо и спросил, нет ли второго. Маргарита сказала, что не знает. Роман просмотрел подписи на остальных конвертах, не касаясь их, и ушёл звонить.

Лидия получила рецепт. Ладыгин сперва решил, что это шутка, но она развернула лист и улыбнулась совсем иначе, чем минуту назад.

— Это его мама записывала. Я просила найти ещё весной.

— Что за рецепт? — спросил Анатолий.

— Пирог. Он его всё время вспоминал, а объяснить не мог. Говорил: у вас хорошо, но не такой.

Она сложила лист без особой бережности и положила в карман кофты. Анатолий ожидал, что сейчас последует речь о том, как мало нужно человеку на память. Лидия спросила, кто будет есть и сколько греть супа.

Маргарита осталась у стола. Её конверта не было среди остальных. Анатолий понимал, что она уже прочла своё письмо, но от этого пустое место перед ней не выглядело менее тяжёлым.

Егор не спросил, что оставили ему. Он поднял деревянную коробку, вынул отвёртку и спросил, можно ли подкрутить ручку шкафа, которая осталась у Ладыгина в пальцах. Маргарита разрешила. Пока Егор работал, Анатолий услышал короткий сухой скрип и увидел, как тот придерживает дверцу коленом. У придуманного им Нерецкого не было ни одной вещи, которую тот умел бы делать руками.

— Вы всё это ещё тогда писали? — спросил Ладыгин, показывая на папку Анатолия.

— Родословную — тогда. Эти записи новые.

— Володя рассказывал. Обрадовался он той ветке. Сначала просто красивой связи, а потом…

Егор перестал крутить отвёртку.

— Сергей Павлович, вы ручку попробуйте. Теперь держится?

Ладыгин потянул дверцу на себя.

— Держится.

— Тогда не надо пока ничего подкладывать. Пусть так.

Старик забыл, что хотел добавить. Анатолий мог вернуть разговор, но Егор уже положил отвёртку на стол и посмотрел прямо на него. Взгляд не был угрожающим. Скорее предупреждал, что здесь слышат не только вопросы, заданные вслух.

* * *

На кухне стало тесно. Лидия вынула из духовки форму, поставила на плиту и попросила Анатолия отойти от ящика с приборами. Он попятился, задел стул и успел поймать лежавшую на нём белую чашку, прежде чем та упала.

Чашка была обычной, вымытой и поставленной вверх дном на полотенце. Её, вероятно, просто не успели убрать. Анатолий поднял её за дно.

— Сюда? — спросил он.

Лидия закрывала духовку и не ответила. Егор, который вошёл следом, взял у Анатолия чашку и поставил на подоконник.

— У нас так стул занимали, — сказал он. — Пока отец с работы не вернётся. Я однажды решил, что хватит ему места держать.

Он подвинул стул к столу. Анатолий остался стоять.

— Что?

— Стул. Чашкой. Дном кверху, чтобы крошки не попадали. Не слышали такого?

Лидия взялась за край полотенца, оставшегося под формой, и отдёрнула руку: ткань успела нагреться.

— Прихватку надо было взять, — сказал Егор.

— Сама знаю.

Он отвернулся к Анатолию, но тот всё ещё смотрел на чашку. В чистовой справке этой истории не было. Не было и в коротком семейном очерке, приложенном к дереву. Она оставалась в тетради, под косой карандашной чертой, где Анатолий складывал детали, не пригодившиеся к заказу.

— Нет, — сказал он. — Не слышал.

Егор чуть поднял брови.

— Бывает.

Лидия взяла прихватку и попросила его принести из комнаты подставку. Он вышел. Анатолий стоял посреди кухни, мешая ей пройти, пока она не сказала об этом прямо.

— Извините.

Он вернулся в комнату и раскрыл папку. Тетрадь лежала на месте. Карандашная черта тоже. Никто не вырезал страницу и не вписал ничего нового, что, конечно, ни на один разумный вопрос не отвечало.

Анатолий перечитал свой пересказ. В нём мальчик сердился на отсутствующего отца и убирал чашку со стула. Отец возвращался, молча садился на табурет, и мальчику становилось хуже, чем от наказания. В печатную справку это не попало: слишком домашнее, слишком живое для короткого указания на далёкого потомка.

Он закрыл тетрадь. Ладыгин поднял голову от книги.

— Что-нибудь не так?

— Нет. Одно совпадение.

— Совпадения у вас, наверное, частые.

— Не такие.

Егор прошёл мимо открытой двери с подставкой в руках. На кухне спросил у Лидии, где лежат салфетки. Анатолий перебирал людей, которым когда-либо давал свои тетради. Он

вспомнил переплётчика, бывшую жену, заказчика, забравшего не тот пакет. Каждое воспоминание казалось годным ровно до следующего.

Никто не помнил эти страницы лучше него. И всё же человек на кухне говорил о чашке так, словно для него она существовала раньше карандаша.

Глава 5. Не всякое письмо

К вечеру Ладыгин ушёл. Он долго искал очки, которые держал в руке, а потом, обнаружив их, рассердился не на себя, а на слишком мягкую обложку книги: её неудобно было нести, не прижимая к груди. Егор нашёл подходящий пакет. Маргарита проводила старого друга до калитки и вернулась с мокрыми волосами у висков. Дождь начался незаметно, пока они сидели в комнате.

Роман хотел продолжить разбор вещей. Он принёс со второго этажа две коробки, поставил возле стола и открыл первую. Внутри лежали папки с фотографиями предметов. На обороте снимков Владимир делал короткие записи: где увидел, кто владел, о чём условились. Иногда вместо цены стоял вопросительный знак.

— Здесь хотя бы всё понятно, — сказал Роман.

Маргарита взяла один снимок, прочла оборот и положила обратно.

— Мне нет.

— Что именно?

— «Вернуть после разговора». Кому вернуть? После какого разговора? Это его память, Роман. Не опись.

Егор сидел у окна. Он вытер стекло там, где на нём собралась влага, и посмотрел во двор.

— Завтра разберём то, что относится к покупателям. Сегодня вы всё равно не узнаете, где чей разговор закончился.

Роман повернулся к нему.

— Завтра вы уже собирались уезжать.

— После обеда.

— У вас всё удобно сдвигается.

Егор опустил руку со стекла.

— Если к тебе кто-то едет, скажи сейчас.

— Ко мне никто не едет.

Лидия вошла, чтобы забрать чашки. Егор подвинул свою к краю стола, а Роман, наоборот, притянул к себе. Анатолий отметил это движение, хотя оно ничего не объясняло: люди удерживают чашки и тогда, когда просто не хотят ещё уходить.

— Тогда закрой коробку, — сказал Егор. — Здесь не выставка.

Роман резко поднялся.

— Вы ещё ничего не получили. Если вы забыли.

Маргарита назвала его по имени. Негромко, но с той интонацией, которая обещала продолжение разговора уже без свидетелей. Он застегнул куртку, потом снова расстегнул и вышел в коридор.

Анатолий услышал, как Роман спрашивает у кого-то, где лежит зарядка. Ответа не разобрал. Через минуту дверь кухни закрылась.

— Я не просила вас распоряжаться моим племянником, — сказала Маргарита Егору.

— Он не ваш племянник.

— Вы прекрасно поняли.

Егор кивнул и отодвинул коробку от прохода. Извиняться не стал.

Анатолий посмотрел на его руки. Шрам пересекал костяшку среднего пальца; кожа возле ногтя была стёрта. На человеке не было ни дорогих часов, ни кольца. Он мог позволить себе выглядеть так, будто наследство не занимало его мыслей. Пока остальные не могли позволить себе даже не смотреть на него.

* * *

Маргарита ушла звонить. Лидия убирала кухню, Роман разговаривал с кем-то в прихожей. Анатолий поднялся, собираясь попрощаться: Виктор уже прислал короткое «Закончил».

Егор остановил его возле двери.

— У вас есть время?

— Зависит от того, для чего.

— Для работы. Вашей.

Он говорил без улыбки, и Анатолий сразу почувствовал прежнюю готовность объяснять условия. Заказ оставался заказом даже тогда, когда исходил от человека, которого следовало разоблачить.

В коридоре Егор забрал с вешалки шарф, накинул на шею и повёл его в небольшую комнату за кухней. Здесь стояли письменный стол, узкий диван и два стула. За столом помещался высокий шкаф с открытыми полками; коробки выступали за их край. Отдельная дверь выходила во двор; под ней лежал валик из старой ткани. На столе громоздились каталоги, сверху — бронзовый пресс в форме гладкого продолговатого камня. Анатолий заметил, что Егор не двигает его вместе с бумагами, а берёт отдельно: предмет был тяжелее, чем выглядел.

— Садитесь. Здесь хотя бы никто не будет ставить на нас тарелки.

Анатолий сел. Егор остался стоять возле стола и достал из внутреннего кармана небольшой конверт. Не открыл, положил перед собой.

— Вы ещё храните старые записи?

— Какие именно?

— Разговоры. Не только фамилии на листе.

Анатолий сжал ремень папки.

— Вы читали мой черновик?

— Какой?

— Который не отдали заказчику.

Егор посмотрел на него без притворного удивления, но и без узнавания.

— Я не знаю, что вы кому отдали. Мне нужны записи, которые вы делали раньше. Когда ещё разговаривали с людьми, а не только рисовали им родственников.

— Вы с кем-то меня путаете.

— Нет.

За дверью прошла Лидия. Она не входила, но сказала, что наружную дверь закрыли только на щеколду, потому что мастера обещали вернуться за забытой сумкой. Егор ответил, что понял. Анатолий посмотрел на дверь: маленькая латунная щеколда находилась выше ручки, ключа в замке не было.

Когда шаги стихли, он наклонился к Егору.

— Я придумал это имя. Если вам ещё не сказали.

— Мне сказали, что вы сделали справку.

— Не просто справку. Вас в ней не было.

Егор медленно сел на второй стул.

— Меня и сейчас в ней нет, Анатолий Сергеевич. Там написано, что я люблю тишину и не терплю лжи. Вы хоть раз видели человека, который специально терпит ложь?

Анатолий хотел возразить, но не нашёл, что именно.

— Тогда почему вы этим пользуетесь?

— Чем — этим?

— Чужим происхождением.

— А вы почему пользуетесь? Вам ведь тоже за него заплатили.

Вопрос был ожидаемым, почти грубым. Анатолий всё равно почувствовал его как удар: до этой минуты ему казалось, что признание перед вдовой уже отделило его от чужих поступков.

— Я не собираюсь оправдывать свою работу.

— Тогда не оправдывайте. Сделайте другую.

Егор придвинул конверт, но не отдал.

— Мне нужен весь материал об одной семье. С кем вы говорили, что записали, что потом выкинули. Не обработанный рассказ. Я не хочу снова получить удобного человека вместо живого.

— О какой семье?

— О Сазоновых.

Фамилия ничего не сказала Анатолию. Он попытался связать её с прежними заказами и обнаружил слишком много возможных лиц.

— Когда это было?

— Давно. Я покажу вам снимок. Вы вспомните.

Егор взял конверт, затем остановился, услышав голоса за дверью. Роман требовал позвать его; Лидия отвечала, что можно и самому постучать. Они говорили не шёпотом и, кажется, не собирались скрывать ссору.

— Сейчас, — сказал Егор громко. Потом снова повернулся к Анатолию. — Вы завтра сможете привезти то, что осталось?

— Я ещё не знаю, о чём речь. Мне нужен хотя бы год.

— До тринадцатого. Вы приходили к женщине, записывали её голос. У меня есть ваш старый номер. Нынешний нашли у Маргариты Павловны среди бумаг.

Он вынул из конверта маленький лист и протянул Анатолию. На нём были десять цифр без первой восьмёрки. Прежний номер. Тот самый, который ещё иногда вспоминался вместо нынешнего, когда его спрашивали неожиданно.

— Этот лист можно оставить?

— Можно. Фотографию я вам завтра покажу. Сейчас не хочу всё доставать.

— Почему не отправите?

— Потому что хочу видеть, что вы вспомните сами. Вы слишком быстро начинаете объяснять.

Роман постучал. Егор сказал, чтобы входил, и убрал конверт в лежавшую возле стола кожаную папку. Анатолий отметил её цвет — тёмно-синий, почти чёрный, с потёртым углом. Потом рассердился на себя за это наблюдение: он уже смотрел на вещи как на улики, хотя никакого преступления, кроме старого обмана, ещё не было.

* * *

Роман принёс распечатанный снимок вазы. Не той красивой, какую Анатолий ожидал увидеть в разговоре о состоянии, а небольшой, с узким горлом и несимметричными ручками.

— Вот эту. О ней речь.

Егор не взял лист.

— Я знаю.

— Тогда объясните, где она.

— Не при нём, Роман.

Анатолий поднялся. Роман отступил от двери, но не пропустил сразу.

— Вы же всё равно разбираетесь в наших бумагах. Послушайте.

— Он разбирается в своих, — ответил Егор.

— А ваши где?

Егор посмотрел на него, и Анатолий впервые увидел в этом спокойном лице настоящее раздражение.

— Завтра. Я сказал.

— Вы всем так говорите?

Анатолий вышел прежде, чем получил ответ. В коридоре Лидия держала два пустых пакета и прижимала их к себе так крепко, что пластик тихо потрескивал.

— Они опять? — спросила она.

— Не знаю.

— Значит, опять.

Она прошла мимо, не заходя в комнату. Через несколько минут Роман выскочил следом, сунул телефон в карман и вышел во двор. Дверь закрылась не сразу. Анатолий успел увидеть, что племянник остановился на ступеньках и начал кому-то набирать, держа телефон обеими руками.

Маргарита позвала его в гостиную. На столе лежала та самая короткая записка, которую он привёз накануне.

— Я прочла ещё раз. Это останется у меня?

— Да.

— И тетрадь?

— Тетрадь мне нужна для работы. Можете скопировать нужные страницы.

Она согласилась. Анатолий помог сделать снимки, проверил, что строчки попали в кадр, и назвал страницу, где заканчивался заказ. Следующая касалась другой семьи, и Маргарита перевернула её обратно, не читая.

— Он с вами говорил? — спросила она.

— Егор? Да.

— О справке?

Анатолий посмотрел на её руки. Сегодня дрожь была слабее; женщина держала телефон обеими ладонями, и это помогало.

— О старых записях. Он хочет кое-что найти.

— И вы будете искать для него?

— Сначала мне нужно понять, что именно.

Маргарита положила телефон.

— Я наняла вас не для того, чтобы вы помогали ему сделать историю убедительнее.

— Я понимаю.

— Мне кажется, вы понимаете только после того, как вам скажут.

Ему хотелось напомнить, что он уже признался. Вместо этого он сказал, что не передаст никому принадлежащие ей бумаги и не станет подтверждать родство, которого не установил. Маргарита выслушала без облегчения. Одного подходящего обещания ей было недостаточно, и Анатолий не мог считать это несправедливым.

* * *

Виктор позвонил в начале десятого. Анатолий попросил приехать к десяти. Тот ответил, что успеет, но ждать до полуночи не будет: утром нужно отдать машину знакомому.

Пока они говорили, Лидия вынесла из комнаты Егора пустую тарелку. На другой руке у неё висел клетчатый шарф. Она остановилась возле стола в прихожей, поправила короткую кисть и положила шарф на край вешалки.

— Его? — спросил Анатолий.

— Да. Эту кисть ещё раньше зацепил, когда окно чинил. Говорю, снимай прежде чем лезть, всё равно забывает.

Она сказала «забывает» без злости, с привычным знанием чужой неосторожности. Анатолий подумал, что за столько лет в доме могли узнать о постоянном госте куда больше, чем написано в любой справке.

Маргарита поднялась наверх. Перед этим попросила закрыть за гостями калитку и не переносить ничего из комнаты за кухней: завтра приедет человек сверять фотографии вещей. Лидия ответила, что помнит. Егор стоял в дверях и слушал, не вмешиваясь.

Анатолий попрощался с ним уже в прихожей.

— Я посмотрю старые диски. Но ничего не обещаю.

— Посмотрите. Вам тоже будет полезно.

— Не надо говорить со мной так, будто вы уже знаете, что я найду.

Егор впервые улыбнулся ему без вежливости.

— Я знаю только, что вы не всё помните.

У порога Анатолий обернулся. Егор остался под лампой в прихожей: поднял руку к щеколде двери, ведущей на крыльцо, и повернул голову на голос Лидии. Слов Анатолий не разобрал.

Виктор стоял у машины, держа дверцу открытой. Показал на часы, но ничего не сказал. Когда они отъехали от дома, на экране телефона было без двух минут десять.

Глава 6. Утро после гостей

Утром Анатолий проснулся от звука, который сначала принял за будильник. Телефон лежал под книгой на полу. Он с вечера собирался посмотреть старые записи, достал из шкафа две коробки и заснул, сидя на диване. Книга соскользнула с колен, телефон оказался под ней.

Звонила Маргарита.

— Приезжайте, пожалуйста, — сказала она. — Здесь полиция.

Он сел, держась за край дивана. В ноге не было чувствительности: всю ночь она оставалась подогнутой.

— Что произошло?

— Егор умер.

Анатолий некоторое время слушал тишину в трубке, словно женщина могла добавить другое имя.

— Как — умер?

— Его нашли внизу. В той комнате. Меня спросили, кто был вчера. Я назвала вас. Вам позвонят, но я хотела сама.

— Вы сейчас одна?

— Нет. Здесь много людей.

Он услышал, как её о чём-то спрашивают. Маргарита ответила не ему: «На кухне, верхний ящик». Потом снова приблизила телефон.

— Не трогайте то, что он вам давал. Если что-то давал. Мне так сказали.

— Да.

Она отключилась.

Анатолий посмотрел на папку, лежавшую на стуле. Лист с прежним номером телефона торчал между страницами. Он хотел вынуть его, но остановился. Затем пошёл на кухню, налил воды и выпил, не замечая вкуса. Чайник включил по привычке. Когда тот закипел, Анатолий уже обувался.

* * *

К дому его не пустили сразу. Мужчина возле калитки спросил фамилию, записал её и велел подождать. На дорожке стояли люди, которых вчера не было. У заднего угла дома виднелась открытая дверь; Анатолий не мог определить, та ли это дверь, о которой Лидия говорила, предупреждая про забытую мастерами сумку.

Маргарита сидела в машине у ворот. Дверца с её стороны была открыта. На коленях лежало пальто, которое она не надела, хотя утро было прохладным.

— Вы замёрзнете, — сказал он.

— Мне уже говорили.

Он не стал повторять. Встал рядом, не зная, можно ли садиться.

— Я вчера видела его, — произнесла Маргарита. — Он спросил, можно ли остаться до утра. Я сказала: оставайтесь, всё равно рано приедут смотреть вещи. Я сама предложила постелить на диване.

— Это не…

— Я ему ещё подушку выбирала. Та жёсткая, эта низкая…

Она скомкала край пальто на коленях. Анатолий замолчал. Через открытую дверцу тянуло холодом, и он подвинулся, заслонив её от ветра.

Во двор вошла молодая женщина с сумкой через плечо. Спросила у мужчины возле калитки, где Лидия Мерцалова. Тот указал на кухонное окно. Женщина сделала шаг, её остановили, и она вернулась к машине с таким лицом, будто задержка была личным оскорблением.

— Даша, — сказала Маргарита. — Пока нельзя. Подожди здесь.

— Она мне позвонила и ничего не объяснила. Только сказала приезжать. Я думала, вам плохо.

— Мне тоже. Но не так, как ты подумала.

Дарья посмотрела на Анатолия, не представилась и отошла к забору. Она держала сумку за короткие ручки, хотя ремень оставался на плече. На пальцах виднелись мелкие следы клея или краски. Телефон в её руке дрожал от входящих сообщений, но она не смотрела.

Из дома вышла женщина в тёмной куртке.

— Левшин?

— Я.

— Ольга Андреевна Селезнёва. Пройдёмте.

Она говорила быстро, но не торопила его движением. Анатолий взял папку обеими руками и пошёл следом.

* * *

Разговаривали в комнате со шкафами. На столе не было вчерашних чашек; коробки Романа стояли у стены закрытыми. Анатолий сел на тот же стул и почувствовал неожиданное желание пересесть. Казалось, если остаться на прежнем месте, придётся помнить всё, что он видел оттуда.

Селезнёва попросила сначала рассказать, зачем он пришёл в дом накануне. Не перебивала, пока он не назвал справку «частной реконструкцией». Тогда подняла глаза.

— Это что значит?

Он объяснил. Потом ещё раз, уже без слова «реконструкция».

— Имя вы придумали?

— Да.

— А этот человек вам известен под ним?

— Вчера впервые познакомились.

— Маргарита Павловна утверждает, что раньше тоже называла вам это имя.

— Называла. Я имею в виду, что впервые увидел его вчера.

Селезнёва записала. Анатолий следил за её ручкой и ловил себя на желании поправить фразы, которых не видел.

Она спросила о прежнем заказчике. Анатолий достал тетрадь, показал букву «Л» и старый номер. Объяснил, что с самим Городецким не встречался: по его поручению звонила и приходила женщина. Она забрала готовые листы. Лица он теперь не помнил, полного имени не записал. Денег за заказ было достаточно, чтобы не задавать лишних вопросов, — эту фразу он произнёс сам и сразу пожалел. Она звучала как объяснение гораздо большего числа поступков, чем он собирался обсуждать.

Он добавил, что в пятницу спросил Лидию об этом заказе. Она ответила о разных поручениях и предложила найти квитанцию. Сама ли она приходила к нему, не подтвердила. Селезнёва уточнила, спрашивал ли он при Маргарите. Нет, уже на кухне перед уходом.

— Сколько вам заплатили? — спросила Селезнёва.

Он назвал сумму из тетради. Тридцать две тысячи. Следователь не удивилась и не стала соотносить её с нынешними ценами.

— Вчера Егор Никитич предъявлял вам претензии?

— Нет. Скорее хотел заказать работу.

— Какую?

Анатолий передал лист с номером и рассказал о Сазоновых. Повторил и свой вопрос к Егору: не читал ли тот его черновик. Селезнёва попросила не складывать лист заново. Положила отдельно, спросила, кто мог слышать разговор, и уточнила, показывал ли Егор обещанную фотографию.

— Нет. Сказал, что завтра покажет.

— Вы просили прислать?

— Да. Он не захотел.

— Почему?

— Сказал, что хочет увидеть, что я вспомню сам.

— Вы что-нибудь вспомнили?

Анатолий рассказал о старом номере. О чашке хотел промолчать: история выглядела слишком странной, а он уже и без неё говорил достаточно невероятные вещи. Но Селезнёва спросила, почему он решил, что Егор мог видеть неопубликованные записи, и молчать стало невозможно.

Она выслушала, не улыбнувшись.

— Кто ещё имел доступ к тетради?

Он перечислил людей, которых вспоминал накануне. Следователь остановила его, когда начались предположения.

— Кому вы точно передавали её в руки?

Анатолий назвал переплётчика. Потом бывшую жену, которая собирала его вещи во время переезда. Остальное пришлось убрать из ответа. Число возможных объяснений сразу уменьшилось, а уверенности не прибавилось.

Селезнёва попросила вспомнить отъезд.

— На телефоне было двадцать один пятьдесят восемь. Уже в машине.

— А до машины?

— Не смотрел. Несколько минут.

— Вы видели Егора после выхода из комнаты?

— В прихожей. Под лампой. Он повернулся к Лидии.

— Лидию видели?

Анатолий открыл рот и остановился.

— В тот момент — нет. Слышал её голос. Она позвала.

— По имени?

Он попытался вернуть звук. Не слова, а интонация, короткая, домашняя. «Егор» или «послушай»? В памяти уже было всё, что могло бы прозвучать, и ни одного надёжного ответа.

— Не помню.

Селезнёва кивнула, будто именно этого ответа и следовало держаться.

— Кто вас увёз?

— Знакомый. Виктор Неверов.

— Он был в доме?

— Нет.

— Зачем приехал?

— За мной. Мы договорились накануне.

Она записала имя и попросила номер. Анатолий продиктовал, стараясь не торопиться. О разговоре, который предшествовал договорённости, не сказал.

* * *

Тело он увидел из коридора. Не целиком и не потому, что его пригласили посмотреть: дверь открылась, человек с чемоданом пропустил другого, и между ними на мгновение стал виден край дивана, нога в носке и рука, лежавшая не так, как её кладут, когда спят.

Анатолий отвернулся. Ему показалось, что он узнал шрам, но позже он не смог бы уверенно сказать, успел ли его разглядеть. Пальцы оставались пустыми. Вчера эта рука держала отвёртку и ставила чашку на подоконник.

На кухне Лидия сидела возле стола. Кто-то налил ей чай, но чашка стояла далеко от неё. На правой ладони виднелось красное место; вчера она обожглась о полотенце. Анатолий вспомнил это с нелепой точностью и не смог вспомнить, в какую минуту она сказала, что Егор забывает снимать шарф.

— Как вы? — спросил он.

Лидия посмотрела на него.

— Не знаю.

Это был первый ответ за два дня, в котором у неё не оказалось ничего готового.

— Вы его нашли?

Она кивнула. Потом покачала головой.

— Я дверь открыла. Маргарита Павловна была наверху. Я позвала. Потом уже…

Она не закончила. Анатолий хотел подвинуть к ней чашку, но Дарья вошла раньше и сделала это сама.

— Мам, не надо сейчас. Пей.

Лидия обхватила чашку левой рукой. Правую оставила на колене.

Дарья повернулась к Анатолию:

— Вы кто?

Он представился и сказал, что помогал разбирать бумаги.

— Все теперь бумаги разбирают, — ответила она. — А мама у вас здесь сколько должна сидеть?

— Даша, — сказала Лидия.

— Что — Даша? Ты ночью пришла никакая, утром опять побежала. Теперь сиди. Я работу бросила, приехала, мне никто ничего не говорит.

Лидия посмотрела на дочь так, что та замолчала. Не испуганно, скорее с усталостью человека, который узнал прежнее требование не устраивать разговор при посторонних.

Анатолий вышел на улицу.

* * *

У ворот стоял Роман. Он говорил по телефону и, увидев Анатолия, быстро закончил.

— Вам что-нибудь сказали?

— Почти ничего.

— Он сам? Или…

Роман не произнёс слова. Анатолий отрицательно качнул головой, потом понял, что отвечает на вопрос, ответа на который ему официально не давали.

— Я не знаю подробностей. Видел, что здесь работают.

Роман посмотрел на дом. На лице у него была не только тревога. Анатолий узнал другое чувство, потому что несколько секунд назад испытал его сам: вместе с человеком исчезла возможность спросить, чего он хотел. Теперь каждый оставался с тем, что уже успел сделать.

— Вы про наш разговор не говорили? — спросил Роман.

— Про какой?

— Позавчерашний. У калитки.

— Пока не спрашивали.

— Он же ничего не означал.

Анатолий посмотрел на него. Роман выдержал взгляд, но телефон в его руке снова загорелся, и он с облегчением отвернулся.

Анатолий отошёл от ворот и набрал Виктора. Тот ответил после нескольких гудков.

— Я уже знаю. Мне позвонили.

— Витя, послушай…

— Нет. Сначала ты послушай. Я скажу, как было. Всё.

Анатолий прислонился к мокрому забору. Сквозь ткань пальто холод быстро добрался до спины.

— Я не прошу тебя врать.

— Тогда не начинай с «послушай».

Виктор не отключился. Они оба молчали, и это молчание было хуже ссоры. Анатолий видел открытую калитку, людей во дворе и пустое место, где вчера стояла машина Виктора. Он приехал на такси и теперь не знал, куда хочет уехать.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Говори, как было.

— Я так и собирался.

После разговора Анатолий не стал вызывать такси. Вернулся к человеку у калитки и попросил передать Селезнёвой, что ему нужно кое-что добавить.

Глава 7. Лицо на старом снимке

Селезнёва вернулась к нему не сразу. Анатолий ждал в прихожей, стоя возле новой батареи. Она была холодной. На полу у стены осталось небольшое светлое пятно, которое вчера скрывало ведро.

Пока он ждал, из кухни вышла Дарья. Лидия шла следом, держась за её локоть. Девушка несла сумку матери и свою, мешавшие друг другу на одном плече. Анатолий предложил помочь, но Дарья только покачала головой.

— Мы сами.

Лидия задержалась возле вешалки и посмотрела на крючки. Потом надела плащ, который подала дочь, и вышла. Анатолий не понял, что она искала. Через минуту он заметил, что клетчатого шарфа на прежнем месте нет, но в доме за утро передвинули слишком много вещей, чтобы это само по себе что-нибудь значило.

Селезнёва позвала его обратно в комнату.

— Что вы хотели добавить?

Анатолий рассказал о предложении Виктору. Начал с того, что ничего не состоялось, и сразу услышал, насколько это похоже на попытку выбрать удобное начало. Вернулся к пятничному утру. Объяснил, что искал человека для чужой роли, рассчитывал на деньги от заинтересованных в споре людей и только в разговоре столкнулся с очевидной нелепостью замысла.

Селезнёва слушала до конца.

— Вы успели сообщить об этом Егору Никитичу?

— Нет.

— Маргарите Павловне?

— Нет. О старом подлоге сказал. Об этом — нет.

— Роману Владимировичу?

— Он сам намекал на деньги. Я не называл Виктора и ничего не обещал. Но и не отказал так, чтобы он точно понял.

Она попросила повторить слова Романа. Анатолий повторил то, что помнил, отдельно сказал, где передаёт смысл. Слова «общий интерес» он помнил точно. Суммы Роман не называл.

— Когда вы решили рассказать мне? — спросила Селезнёва.

Он посмотрел на окно. За стеклом стоял пустой стул, который кто-то вынес на крыльцо; на сиденье собиралась дождевая вода.

— После разговора с Виктором. Он сказал, что расскажет всё сам.

Селезнёва кивнула и записала ответ. Не похвалила за откровенность. Анатолий понял, что втайне ждал хотя бы её отсутствующего упрёка.

Разговор стал длиннее. Теперь спрашивали о деньгах, о прежних совместных работах, о том, как давно он знает Виктора и зачем тому понадобилась оплата именно за вечер. Анатолий всё время возвращался к одному: в дом Виктор не входил. В какой-то момент Селезнёва остановила его.

— Я услышала. Повторять после каждого ответа не нужно.

Он замолчал. Пальцы на коленях сами сложились так, как раньше держали папку.

Ему предложили передать тетрадь и старую справку для проверки. Анатолий согласился, попросил перечислить страницы и отдельно указать вложенный лист, чтобы не потерять среди чужих материалов. Часть записей относилась к другим людям. Селезнёва уточнила, что именно, и дала ему время показать начало и конец заказа. Он оставил документы, получил бумагу с перечнем переданного и вышел из-за стола с непривычно лёгкой папкой.

— Ещё посмотрите, — сказала она.

Перед ним положили фотографию в прозрачном пакете. Вернее, современную распечатку старого снимка. На ней стоял мужчина в светлой рубашке, склонив голову к кому-то за краем кадра. Нижнюю часть изображения обрезали чуть выше пояса; слева оставалась полоска двери.

Анатолий узнал рубашку. Потом себя.

Он невольно придвинулся ближе. На снимке у него были волосы на висках и другое выражение рта — снисходительно внимательное, каким он давно не видел себя в зеркале. Ему захотелось сказать, что он никогда так не смотрел на людей, но фотография существовала независимо от его желания.

— Это вы?

— Да.

— Где снято?

— Не знаю. Пока не знаю.

— Когда?

Он назвал приблизительный промежуток. Не по лицу, а по рубашке: её купила бывшая жена, и позднее он прожёг рукав утюгом. Но даже эта память не давала года. Рубашка могла пролежать в шкафу дольше, чем ему казалось.

— Здесь ещё кто-то был, — сказал он.

— Почему вы так думаете?

— Я к кому-то повернулся. И рука слева. Видите?

У края кадра оставались несколько чужих пальцев. Большая часть кисти была срезана; по этому обрывку нельзя было уверенно разобрать даже жест. Анатолий всё равно пытался вспомнить женщину. Егор говорил именно о женщине, и теперь память послушно предлагала только женщин.

— Где вы нашли?

Селезнёва посмотрела на него.

— Среди вещей Егора Никитича. Вы прежде видели этот снимок?

— Нет.

— Егор мог встречаться с вами тогда?

— Не помню. Я бы…

Он не закончил. Уже собирался сказать, что непременно узнал бы его. Вчера он несколько часов провёл с человеком, не вспомнив ни одной причины, по которой у того мог оказаться старый номер телефона.

— У меня были записи таких встреч, — сказал Анатолий. — Я поищу по фамилии, которую он назвал.

— И сообщите, что найдёте. Сами не выясняйте с участниками, какую версию им лучше помнить.

— Я не собирался.

Селезнёва убрала фотографию. Он понял, что на этот ответ она тоже не обязана опираться.

* * *

Домой Анатолий добрался после трёх. В холодильнике стояла кастрюля, о которой он забыл ещё в четверг. Он открыл крышку, закрыл и убрал кастрюлю обратно, хотя уже понял, что есть оттуда не будет.

Ему хотелось позвонить бывшей жене. Спросить о рубашке, коробках, тетрадях. Но тогда пришлось бы сказать, почему всё это понадобилось одновременно. Анатолий поставил телефон на зарядку и начал с того, что можно было сделать без чужого ответа.

На старых дисках были подписи разными ручками. Некоторые принадлежали ему, некоторые — людям, которые помогали переносить файлы. «Семья 2», «Звук», «Не стирать», дата без года, дата с ошибкой. Он попробовал один диск, потом другой. Компьютер долго шуршал и показал несколько папок, названия которых ничего не сказали.

Анатолий искал Сазоновых. Нашёл Сазонова в справке совсем другой семьи, человека, который умер задолго до рождения Егора. Нашёл фотографию вывески, присланную заказчиком, и свой список вопросов для беседы. В списке была строка: «Что не вошло в семейные рассказы?»

Он долго смотрел на неё. Когда составлял вопросы, ему казалось, что человек охотно отдаст неизвестное, если правильно попросить. Потом Анатолий научился выбирать из ответа то, что лучше подходило заказу. Остальное перестало исчезать только потому, что он ленился удалять файлы.

Позвонил заказчик с промышленной ветвью. Напомнил о названии рода и попросил сделать шрифт покрупнее. Анатолий ответил, что не может закончить дерево в согласованном виде.

— Почему? Мы же всё обсудили.

— Я убрал из чистого листа человека, которого нельзя убирать. Подтверждение есть именно по нему. Новая связь пока не подтверждена.

— Вы в четверг говорили иначе.

— В четверг я сказал недостаточно ясно.

— Я не за ясность плачу. Мне подарок нужен.

Анатолий закрыл глаза. За этой фразой не было ни преступления, ни необыкновенной жадности. Человеку нужен был подарок, и он обращался к тому, кто обещал его сделать.

— Я верну часть оплаты за оформление, если мы отменим работу, — сказал Анатолий. — Но эту связь как установленную не напечатаю.

Заказчик велел пока ничего не возвращать: он подумает. Разговор закончился неприятно и без красивого решения. Анатолий записал обещанную сумму возврата на листе возле компьютера, чтобы позднее не убедить себя, будто речь шла о меньшем.

Среди коробок нашёлся маленький диктофон. Батареек в нём не было. Анатолий перевернул его, увидел под крышкой кусочек бумаги с собственной надписью «канал левый» и вспомнил, что прибор иногда записывал один голос тише другого. Это была полезная память — конкретная, без лица, которое нужно было бы признать забытым.

На телефон пришло сообщение от Романа: «Встретимся завтра. Есть вариант, как всем выйти нормально».

Анатолий не ответил. Снял коробки с дивана, расставил их на полу и впервые за день поел: хлеб, сыр, холодный помидор. Когда поднялся от стола, увидел на экране ещё одно сообщение. Роман просил не рассказывать Маргарите о встрече, пока они сами не поймут, что ей предлагать.

Анатолий переслал оба сообщения Селезнёвой с коротким пояснением, кто их написал. Потом ответил Роману: «О чём именно?»

Ответ пришёл сразу: «О твоей справке. И о том, кто её оплатил».

Глава 8. Плата за молчание

В понедельник Виктор встретил его возле небольшого кафе, где по утрам завтракали люди из соседних контор. Сам он ничего не заказал. Сидел за пустым столом, положив ладони на телефон, и даже не попытался встать, когда Анатолий подошёл.

— Сколько я тебе должен? — спросил Анатолий.

Виктор назвал оговорённую сумму за субботу. Анатолий перевёл деньги, дождался подтверждения и сел.

— Я всё рассказал, — сказал он.

— Мне тоже так сказали.

— Что именно?

— Что ты дополнил рассказ. Толик, я не собираюсь пересказывать тебе вопросы. Чтобы ты потом готовился лучше.

Анатолий открыл меню. Буквы расплывались от плохого освещения, и он положил лист обратно.

— Я пришёл не за этим.

— А за чем?

Он не сразу нашёл ответ. Хотел проверить, остался ли Виктор человеком, с которым можно шутить о реквизите и чужих ролях. Но спрашивать это прямо было почти так же неловко, как извиняться заранее за возможное продолжение.

— Посмотреть, как ты.

Виктор вздохнул, поднял руку и попросил у проходившей женщины два кофе. Потом уточнил, что второй платит сам Анатолий.

— Я нормально. У меня вчера отняли полдня. Машину пришлось возвращать позже, человек ругался. Сегодня позвонили насчёт съёмки, я не смог подтвердить время, потому что не знал, когда ещё вызовут. Вот так я.

— Если потерял деньги…

— Я потерял возможность спокойно планировать. Её по чеку не вернёшь.

Принесли кофе. Виктор переставил сахар к краю стола и только после первого глотка посмотрел на Анатолия менее сердито.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.